

2012 год

«Пенсия пришла, пенсия!» – сарафанное радио моментально разнесло долгожданную радостную весть по райцентру. Как же иначе? Хоть и не велика сумма, но от неё зависит жизнь большинства пенсионеров посёлка. Лекарства, продукты – только на неё, родимую, и купишь. И за воду с электричеством заплатить надо. А угля в морозную зиму сколько спалили? До сих пор у многих долги висят и спать спокойно не дают. Не привыкли пожилые люди в долг жить. Совестно... Не только весь месяц на эту самую пенсию тянут, но ещё и деткам подросшим, в самостоятельную жизнь подавшимся, помогают. Работы в посёлке-то нет совсем... И внучатам на гостинец оставить надо, нельзя без этого, не по-божески.

Справедливости ради, следует отметить, что задерживать пенсию почти перестали. Ну, бывает, на недельку-другую – не так уж и страшно. Не то,

что раньше, в девяностые, да нулевые, по несколько месяцев целыми семьями «на голодном пайке» сидели. Только и спасались картошечкой из погреба, да хлебом, который сами и пекли. Из муки, что по осени прикупить успели. Пока цены невелики.

Весеннее утреннее солнце поднималось на небосклоне. Дед Андрей сидел в саду на резной скамеечке, сделанной в молодости собственными руками, и любовался набухшими почками смородины и вишни. Мысли у него были вполне сезонными.

«Зима снежная была, всю водичку почва впитала. Даст бог, и урожай нынче хорошим будет, – рассуждал про себя дед, потягивая папироску; взгляд задержался на сломанной у самой земли веточке смородины. – Опять кошки шалят, на птичек охотятся, – покачал головой». Покряхтывая встал, подошёл к кусту и заботливо провёл морщинистой рукой по сухой ветке, очищая от остатков прошлогодних листьев.

Резкий сигнал клаксона вывел его

из задумчивости. За калиткой показались пасынок Володька – 47-летний предприниматель. Давеча приехал из города навестить стариков.

– С добрым утречком! Карета подана, дед, – шутя и улыбаясь, бодро сказал Володька, показывая рукой на белоснежную Тойоту, припаркованную у обочины. – Как и договаривались, минута в минуту, – добавил он и бросил мимолётный взгляд на ручные часы.

Пенсию ожидали со вчерашнего дня, и Володька пообещал свозить деда в центр посёлка. От окраины, на которой стоял камышовый дом, до банка и почты более получаса пешего хода. Не под силу пожилому человеку на своих двоих сей путь преодолеть туда и обратно. Вот и приходилось такси вызывать (благо последнее время расплодилось, словно на дрожжах) или за помощью к близким обращаться.

...Иномарка выехала на центральную улицу райцентра и резко сбросила скорость. На всём протяжении стояли знаки с ограничением скорости десятью километрами в час.

– И что, все водители соблюдают такой режим? – полушутя спросил Володька, поглядывая через плечо на деда, дремлющего на заднем сидении в мягком комфорте.

– Как же, соблюдают, – с едким сарказмом встрепенулся дед. – Раньше все блюли. Попробуй против закона пойти, а сейчас, тьфу, одна срамота, – ругнулся он и продолжил. – Кого из нарушителей не остановят, все из «новорусских», с цепями золотыми на бычьих шеях, да перстнями с камнями! Словно бабы, побрякушек на себя навешали! Сразу гаишнику купюру сунут. Откупятся. Вон, понастроили магазинов, да лавок, – дед брезгливо кивнул на яркие вывески, украшавшие фасады магазинчиков из красного кирпича вдоль обочин дороги. – Скоро село в один большой базар превратится, а все жильцы торгашами станут.

– Чем тебе магазины-то мешают? – Володька решил слегка раззадорить и растормошить деда, хотя и понимал,

что старик «подсел насвоего любимого конька», и теперь его ничто не остановит. – Товаров больше станет. Будет народу, из чего выбирать. Сам же на днях говорил, что водку лучше «У Петровича» покупать: не такая горькая, как у других. Конкуренция, в конце концов, цены вниз пойдут, что захотел, то и купил. Разве при советской-то власти такое было? – шутливо вступил он в дискуссию.

– Эх, Вовка, умный ты мужчина. Немало в жизни добился. Но главного и не понимаешь. Чтоб покупать эти самые товары, что нужно? Правильно, деньги. А откуда людям их взять? Если работы в селе никакой нету. Молодёжь в город уезжает от безысходности. Те, что остаются, или спиваются, или на шею старикам садятся. Откуда же эти самые товары возьмутся, для конкуренции твоей? Их произвести надо! Но ведь всё позакрывалось. Всё разворовали, разрушили и развалили те, что у власти. Дерьмократы! – последнее слово дед произнёс с особенным воодушевлением. – При коммунистах наш район передовым в крае числился. Совхоз миллионы зарабатывал, овечью шерсть за границу поставляли, новые породы овец выводили, коих в мире не видывали. Пшеничку за 30 центнеров с гектара на полях собирали. Водой с канала все пашни орошали... А сейчас что? – дед сделал паузу, как бы давая Володьке проникнуться сказанным. – Нет совхоза, обанкротили в 90-е. Овец уморили и распродали. Это ж надо? Такую породу! На весь мир гремела!... Людей по миру пустили, в нищету ввергли. На месте канала – болото, поросшее ряской. Компрессорные перекачивающие станции разграблены. До того докатились, что плёнку, на дне проложенную, откапывают из-под грунта и растаскивают. А ведь когда-то канал всесоюзной стройкой был. Гордостью края значился, через всю солёную степь тянули. Нынче без воды степь умирает. Знаешь, сколько в прошлом году зерна в районе собрали?

– И сколько? – без притворства заинтересовался Володька.

– Пять-шесть центнеров с гектара. Лучшие в крае хозяйства и девяти не вытягивают.

– Может, ты преувеличиваешь, дед? Не всё же так плохо. Вон, спиртзавод построили, – Володька кивнул в сторону сверкающих на солнце огромных ёмкостей из нержавеющей стали.

– Построили, ещё бы! – ухмыльнулся дед. – Фирма-то за бывшим главой района числится. На деньги, полученные на банкротстве совхоза, и строили. Только бог ворьё наказал. Водичка в наших краях непригодной для производства спирта оказалась. Даже в таком деле просчитались. Вот и простаивает заводик. К чему головой думать? Денежки ведь не свои, бесчестным путём добытые. Бывший давно на повышение ушёл, скоро в министрах засветится. Вот оно – поколение разрушителей, – на грустной ноте закончил дед.

– Не все же такие, – Володька постарался подбодрить деда.

– Здесь я с тобой соглашусь. Во все времена, даже самые тяжёлые, находились умные головы. Они и выводили страну из беспросветной мглы. Даст бог, минуют чёрные годы, и Россия проснётся...

Машину ошутимо тряхнуло на очередной выбоине, и Володька выругался вполголоса.

– Видишь, какие у нас дороги, – не удержался от комментария дед. – Ни одного километра за последние двадцать лет в районе не построили. А ведь я когда-то за строительство дорог в районе отвечал. До самых отдалённых деревушек асфальт тянули. Днём и ночью строили, и спрос с нас строгий был. Сейчас лишь ямки латают. И то – на федеральных трассах. Сам видишь, что на наших дорогах творится. В местных бюджетах – вошь на аркане. Некому и не на что ремонтировать. Отчислений в казну нет. Народ – гол как сокол. Фабрику по производству валенок давеча окончательно закрыли. На весь край наши валенки славились! Питомника с плодовыми деревьями, почитай, как с десятков годков уж нету.

В бывших мастерских по ремонту сельхозтехники, последние трактора догнивают...

– Да, загрузил ты меня, дед, негативом, – задумчиво произнёс Володька, оставившись напротив банка. – Не сразу и переваришь всю информацию.

– Ты думай, Володька, думай! Голова на то и дадена, чтобы не только пить да есть, – бодро подмигнул дед и распахнул дверцу. – Я быстро управлюсь, перекури немного...

Сняв со сберкнижки пенсию, дед зашёл в соседнее помещение почты.

– Добрый день, дедушка, – ласково поздоровалась девушка-оператор. – Вам, как всегда, бланк на перевод?

– Как и всегда. Только сегодня два бланка, доченька.

Лариса работала на почте пятый год. Несмотря на то, что дед был в посёлке известной личностью – всё-таки почётный гражданин района, так он ещё и на почту заглядывал ежемесячно. И всегда в одни и те же дни, сразу после получения пенсии. Лариса уже знала, какой платёж от посетителя и в чей адрес сейчас последует. Сколько она себя помнила в должности работника почты, дед каждый месяц заполнял квитанцию на одну и ту же сумму в 300 рублей и направлял платёж в Москву. В графе «получатель» значилась газета «Правда».

– И чём таким она знаменита, ваша газета, дедушка? – простодушно поинтересовалась Лариса. – Что-то на почте, да в наших киосках я такой не видела.

– И не увидишь, дочка. Правда, она нынче не в почёте. Ложь и кривда страной правят, – тут же отозвался дед Андрей. – А ведь были времена, когда каждый школьник знал о бессменном рупоре коммунистов, – сокрушённо махнул рукой пенсионер.

Не понять стариков девчужке из 90-х. Вот и сейчас, смотрит в компьютер, стучит пальчиками по клавишам, а мысли совсем о другом.

Жалуются пенсионеры, что есть нечего, жить не на что, а сами деньги куда попало шлют. Чудные! Сегодня дед и

вовсе две квитанции попросил. Куда второй платёж-то направит? Ну вот, всё и прояснилось. Очередные три сотни уходят в фонд помощи пострадавшим от наводнения на Дальнем Востоке. Где он, этот дальний восток, и где мы? Неужто дедовские триста рублей спасут в столице коммунистическую газету, про которую в глубинке никто и не слышал? И зачем каждый месяц дед Андрей в ейный адрес переводы шлёт? А помощь неизвестным – «подтопленным»? Дойдёт она до простого человека, как же! Чудные они, старички, ей богу! Деньги девать им некуда!

Лариса добродушно улыбнулась деду и умело провела оплату через компьютерный терминал.

– Вот корешки квитанций, дедушка. Доброго вам здоровья! – искренне пожелала девушка!

– И тебе жениха заботливого да разумного, дочка! – ответил дед и направился на выход...

...Пройдёт два года, и, вчитываясь в мемуары деда, Володька увидит следующие строки: «Пришли совсем лихие времена. Компартия запрещена, СССР развален... Чего добивался Гитлер и не смог добиться, сделано руками Бориса Ельцина, с подачи меченого Михаила Горбачёва при участии их друзей. В эту пору я работал директором картинной галереи. Созвал несколько коммунистов на совет. Предложил создать партийную организацию под видом клуба «Друзья газеты «Правда». Назначили день, чтобы собрать возможно большее число коммунистов. Встреча состоялась. Обсудили проект устава клуба, но решили работать без него и избрать правление. Председателем правления выбрали меня. Договорились платить взносы и отмечать в партбилете. Их сумма определялась каждым индивидуально, по возможности. Деньги перечисляли «Правде», она переживала не лучшие времена. Собирались в галерее не реже одного раза в месяц»...

Ранним утром, возвращаясь из увольнения, Вовка не спеша поднимался по ступенькам на третий этаж спального корпуса, в котором находилось ротное помещение, и философски рассуждал о превратностях воинской службы: «Третий курс военно-морского училища – это серьёзно. Уже не «салаги» и даже не «караси». Можно сказать – основной костяк училища! Теперь не отчислят за слабую успеваемость: отстающих к концу курса практически не бывает. Да и начальство лояльнее смотрит на дисциплинарные нарушения, если, конечно, твои «залёты» на самый «верх» не выплывают. Ещё полгода и сменят третьекурсники белые бескозырки на офицерские фуражки, переедут из казарм в общежитие, в настоящие кубрики по 6 – 10 человек! Три года жизни в одном помещении на сотню коек останутся позади. Тогда и удастся по-настоящему насладиться той свободой и правами, которые предоставлены будущим офицерам военно-морского флота».

Несмотря на то, что за окном падали пушистые снежинки, а на календаре красовалась долгожданная дата – 1 января, настроение курсанта было «на нуле». Вовкины мысли приняли и вовсе минорный характер.

«Надо же такое придумать: ограничить праздничное увольнение восьмью часами утра первого числа! За новогодним столом в кругу друзей и рюмки водки не выпить. В училище поутру появиться нужно трезвым и бодрым, как огурчик. Иначе не миновать гауптвахты, а то ещё хуже, попрут на флот рядовым матросом – и прощай мечта об офицерских погонах. Вот и пришлось ограничиться лишь фужером шампанского. Хотя и так посидели неплохо. Шутки, смех, тосты, поздравления, фейерверки... Девчонки-студентки из универа оказались весёлыми и симпатичными. Не давали парням скучать и засиживаться за столом, каждого норовили на танцпол вытащить...

Да мы не особо-то и упирались. До пяти утра отплясывали... Пару часов на сон и... бегом в училище. Кому только в голову могла прийти глупость с утренним возвращением в казармы? Хотя и так ясно, без политотдела здесь не обошлось. Радеет партия за нас. Вдруг, не дай бог, кто-нибудь в новогоднюю ночь потеряется. А так, пересчитают всех утречком по головам, отрапортуют в политотдел флота, что праздники без происшествий, и отпустят всех далее отдыхать. Командиры, наверняка, и не возразили. Против партии не попрёшь. Слово партии выше слова командира.

Страдальцы, и те и другие.

По лицам видно, с трудом возвращаются вместе с нами. Не меньше нашего мучаются. Кто с перепоя и больной головой, а от иного праздничный выхлоп впереди махровым облаком бежит. Им-то, командирам и политработникам, хорошо, всё с рук сойдёт. А нашего брата-курсанта нынче немало «погорит». Не бывает без залётов после «подобных праздников», – Вовка прервал размышления и распахнул дверь в свою казарму.

По ротному помещению без дела слонялись сонные курсанты. Судя по всему, голова болела у многих, без последствий праздник не прошёл. Испорченное прерванным новым годом настроение «красовалось» на помятых лицах подавляющего большинства вернувшихся из увольнения. Только, пожалуй, вахтенная служба была довольна: не одним же им страдать из-за потерянного праздника.

– Слыхал новость? – лучший друг Димка махнул Вовке рукой. – Двое наших сегодня ночью спалились.

– Кто? – спросил Вовка, мысленно ругая себя за материализацию недавних дум.

– Да Серёжка Михайлов, пьяный вдупель, решил после полуночи прошмыгнуть через КПП. Не получилось. На дежурного офицера нарвался. Взяли «с поличным».

– А второй?

– Вот с ним интереснее, – Димка

усмехнулся. – Мишка Космачёв, из третьего взвода. В самолёте ночью был. Ну и перебрал под бой курантов. А чтоб не попасться дежурному по этажу, решил на третий этаж по пожарной забраться.

– Ну, нормально надумал, – Вовка поддержал замысел сокурсника. – А что не сложилось-то?

– Так до распахнутого окна нужно по карнизу метров пять пройти, а на крайних пролётах решётки. Вот он за решётку и ухватился. Крепления не выдержали, и полетел Мишка вместе с решёткой прямо в сугроб. Спиной-то мягко упал, а решётка сверху и придавила, на лице печать от ячейки оставила. Красавец! – Димка еле сдерживался, чтобы не рассмеяться, но лицо вновь потускнело, и он продолжил. – Тут его «тёпленьким» патруль и взял.

– Да, конкретное попадалово, не отмажется, – грустно улыбнулся Вовка. – Если наверх доложат, мало не покажется. Да судя по всему, уже отрапортовали.

– С Новым годом, мужики! – к друзьям подошёл весельчак Юрка Смирнов. – По сто грамм беленькой за неудавшееся утро примем? – подмигивая, шепнул он.

– А есть? Как пронёс?

– По старинке, – гордо напыжился Юрка, и улыбка озарила его лицо. – Не стал судьбу испытывать, как в прошлый раз. Махнул через забор.

Смелость и отчаянность курсанта была всем известна. Его сумасбродные порывы не мог сдержать ни 5-метровый забор из силикатного кирпича, ни дежурный офицер на КПП. Буквально пару месяцев назад на празднование Октябрьской революции Юрка принёс в училище настоящий первачок. Не таясь, в открытую. Чтобы не догадались дежурные офицеры, перелил самогон в поллитровую посудину из-под косметического средства, добавил ароматной отдушки, взятой у любимой девушки, положил ёмкость в дипломат и вперёд, через главный КПП. Дежурным в тот вечер стоял капитан второго

ранга Свирепов, по кличке «Ходуля», за свой двухметровый рост.

– Стоять, курсант! Что несёшь? Дипломат к досмотру! – скомандовал офицер. – Ага, спиртное!

– Никак нет, товарищ капитан второго ранга, жидкость для роста волос, – чётко и звонко отпартовал Юрка, снимая бескозырку и демонстрируя ранние залысины.

– Ну, ну, – недоверчиво пробурчал Ходуля, доставая ёмкость из дипломата.

Офицер отвинтил колпачок, плеснул из бутылки в ладонку, нюхнул содержимое, и, поморщившись от неизвестного запаха, лихим движением приложил ладонь к заметной проплешине над широким лбом. Круговыми движениями руки жидкость была ввёрта в офицерскую лысину.

– Если волосы не отрастут, на гауптвахту отправишься, брадобрей! – неуклюже сострил офицер, отдавая Юрке бутылку, и пропустил курсанта на территорию училища.

Тем же вечером в подсобке под искренние и звучные тосты «за дело Ленина и Великий Октябрь» содержимое бутылки перекечевало в желудки неразлучных друзей...

Трое курсантов уединились в дальнем уголке казармы, закрытом от обозрения плотным рядом двухъярусных коек. Юрка извлёк из-под тумбочки газетный рулончик, скрывающий поллитру «пшеничной», неумело дёрнул за серебристый язычок пробки и налил четверть гранёного стакана...

– А теперь ещё неприятная новость. Из политотдела звонили в канцелярию ротного. Указание поступило: провести комсомольские собрания во всех ротах училища. Пропесочить «залётчиков» и вынести самое строгое комсомольское взыскание. А после и по командной линии решение примут. И, возможно, без скидок на праздник. Так что нашим товарищам не позавидуешь. Жалко пацанов, – грустно усмехнулся Юрка.

– Как же без комсомольского пори-

цания, – съехидничал Димка. – Будто наверху не знают, что мы своих не сдаём. Сплошной формализм. Терпеть не могу подобные сборища. Как бы ни старались, а вбить клин между нами у них не получится! Подайвай политработникам комсомольское осуждение, – распалился он. – Припаял бы командир суток трое ареста за залёт, и дело с концом. Нет, надо ещё и никчёмную говорильню развести, изобразить комсомольскую сознательность. Надоело.

– Ну да, – Поддержал друга Вовка. – Помните наш комсомольский порыв на втором курсе, и что из этого вышло? – обвёл лица друзей вопросительным взглядом.

Полгода назад над третьим взводом второго курса подшучивало всё училище... Курсанты прочитали в армейском журнале историю о том, как их сверстники из сухопутного училища во время летнего отпуска в течение месяца дружно работали на строительстве БАМа. Это известие так заинтересовало и увлекло ребят, что комсорг Колька предложил провести предстоящий летний отпуск всем взводом сплочённой бригадой на Всесоюзной стройке и внести посильный вклад в дело освоения БАМа, заодно и денюжат заработать.

Чтобы придать веса принятому решению, оформили свой порыв в виде резолюции комсомольского собрания. Курсанты предъявили единогласно одобренную резолюцию по инстанции в политотдел для получения согласия и разрешения партийных органов.

Ответ был обескураживающим и предельно простым. Отказать! А если особо настаивать будут, отпуска лишить, оставить в училище, вручив каждому по метле и лопате. На территории части работёнки хватает! Вот и потрудятся на благо родного училища, ежели руки чешутся.

Посмеялось партийное начальство над комсомольцами, да сокурсники с других факультетов ещё долго ехидничали и хихикали вслед. Хотя в душе завидовали и уважали за неординарный

поступок. С тех пор прочувствовали курсанты на «собственной шкуре» одну из ироничных флотских заповедей – «инициатива на флоте наказуема»...

– Ну, с Новым годом, новым счастьем, – Вовка первым опрокинул содержимое стакана внутрь, шумно выдохнул и занюхал головой Димки. Настроение стало постепенно улучшаться, и угрюмое праздничное утро уже не казалось бесперспективным и несчастным.

– Достали эти комсомольские собрания, – после принятой дозы продолжил разговор Димка. – То дружно призывают перестраиваться под лозунгом «Начни перестройку с себя». А после на собраниях перед всеми отчитываться, как ты перестроился. Идиотизм полный! И где только Горбачёв это противное слово выискал – перестройка. Аж, слух режет! Вот скажите, зачем мне перестраиваться, если я ещё и «построиться» не успел? «Наломали дров» в стране, а теперь хотят ответственность на всех нас переложить. Нет, мне перестраиваться ни к чему.

– Ага, – поддержал друга Юрка. – Помните, как на прошлой неделе к «особисту» на беседу вызывали? Всех по очереди.

– Было такое дело, – согласно кивнули друзья.

– Вот майор и задаёт мне каверзный вопрос «как ты к перестройке относишься».

– И что ответил?

– Что, что? Правду ответил. Отрицательно отношусь. Мало того, что слово мутное и непонятное, так ещё напоминает нерадивого хозяина, который всю жизнь строил свой дом, строил. А после посмотрел на него и видит, что дом-то кривой и косой. И давай его ломать до основания, чтобы сызнова всё начать. Нет, чтоб в процессе стройки мозги включить и подумать: вдруг что-то не так. Со стороны на плоды своего труда посмотреть, и, если нужно, огрехи сразу

исправить. Тогда и было бы всё, как у частного хозяина.

– А особист? – друзья, затаив дыхание, во все глаза смотрели на Юрку.

– Ничего. Выслушал меня внимательно, понимающе кивнул. Показалось, что соглашается со мной. Может и среди них встречаются офицеры с головой. По крайней мере, хотелось бы надеяться.

Политический диспут друзей прервал громкий голос дежурного:

– Рота, строиться в центральном проходе!

– Ну, что я вам говорил, начинается..., – Юрка поставил недопитую бутылку под табурет и неохотно направился к центру казармы. Друзья потянулись вслед за ним...

– Начинаем комсомольское собрание, – произнёс командир роты капитан третьего ранга Филиппов, окинув взглядом сидящих курсантов. – По рекомендации политического отдела училища тема сегодняшнего собрания «Обсуждение дисциплинарных проступков курсантов Михайлова и Космачёва». Мы должны дать жёсткую оценку нарушителям воинской дисциплины и вынести самое суровое наказание в соответствии с уставом ВЛКСМ. Слово предоставляется комсору курса, – внезапно его лицо изменилось, напряглось, взор устремился в дальний угол ротного помещения и сосредоточился на месте, где Юрка с друзьями недавно «обмывал» Новый год.

Порывистыми нервными шагами командир вышел из-за стола и чуть ли не бегом кинулся в конец казармы. Через несколько секунд, стоя перед рассыпающимися и зевающими комсомольцами, он потрясал недопитой бутылкой водки, извлечённой из-под табурета.

– Вот, су..., – кипел от негодования командир. – Чья, кто пронёс? Сейчас каждого дышать заставлю! На гауптвахту отправлю!

В ответ раздались сдержанные смешки. С раннего утра в душном и спёртом воздухе казармы висело амбре из смеси лёгких и крепких напитков.

Сколько ни принюхивайся и ни дыши – ничего не различишь. Курсанты это знали, угрозы командира многих лишь развеселили. В кулуарах посыпались едкие реплики:

– Повезло командиру, будет, чем подлечиться!

– Не, нельзя, улика важная, надо бы на экспертизу направить!

– Надо же, сама в казарму просочилась!

– И в руки командиру!

– Подарочек от Деда Мороза, товарищ капитан третьего ранга!

Комсомольцы зашевелились, в глазах появился блеск, интерес к унылому мероприятию нарастал.

– Прекратить балаган, – рявкнул командир и, покидая казарму, грозно добавил, – комсорг, продолжайте вести собрание, я скоро.

Собрание шло размеренным чередом. Выбрали президиум из тройки друзей – «виновников» малого инцидента с бутылкой – назло начальникам,

чтобы бардачка добавить, заслушали злостных нарушителей Серёжку и Мишку, которые в оправдание не могли и пары слов связать, потому как алкоголь ещё не до конца выветрился из их голов. Посмеялись, посочувствовали, комсорг изобразил гневную тираду..., и приняли единогласно одобренную резолюцию: объявить строгий выговор без занесения в учётную карточку.

– Собрание закрыто, – объявил комсорг и непритворно вздохнул.

Он-то знал, что резолюцию в политотделе однозначно не примут из-за мягкого наказания. И переписывать её придётся не раз. За подобные проступки – минимум «с занесением» полагаются, а если командование приговорит к отчислению из училища, то потребуют и вовсе погнать из комсомола... Так что бумажкам ещё долго придётся между двумя сторонами уходить и возвращаться. А там, глядишь, и затеряются где-то. Отсидят ребята своё на «губе», впредь осмотрительнее будут.